

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВООРУЖЕННАЯ ДРУЖБА: КАК РОССИЯ И КИТАЙ ТОРГУЮТ ОРУЖИЕМ

Василий Кашин, Александр Габуев

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВООРУЖЕННАЯ ДРУЖБА: КАК РОССИЯ И КИТАЙ ТОРГУЮТ ОРУЖИЕМ

Василий Кашин, Александр Габуев

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16 стр. 1
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

Содержание

Об авторах	v
Краткое содержание	1
Введение	3
От вражды к торговле оружием	4
1990-е — новый этап сотрудничества	6
Стратегическая сделка	8
Расцвет сотрудничества	11
Замедление сотрудничества	14
Новый поворот к Китаю	17
Заключение	21
Примечания	25
Московский Центр Карнеги	27

Об авторах

Василий Кашин — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

Александр Габуев — руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги.

Краткое содержание

После украинского кризиса Россия, испытывая давление со стороны США и ЕС, углубляет стратегическое партнерство с Китаем. После событий 2014 года важнейшим компонентом в отношениях Москвы и Пекина, придающим партнерству новое качество, стало укрепление военно-технического сотрудничества. Россия и Китай будут и дальше развивать ВТС, выгодное сегодня обеим странам, а потому Западу и соседям Китая стоит отнестись к этому процессу со всей серьезностью.

Основные выводы

- В 1990-х годах китайские заказы обеспечили выживание российской оборонной промышленности, пострадавшей от крушения СССР, и сохранение ее глобальной конкурентоспособности. В свою очередь, для Китая после введения в 1989 году западных санкций Россия стала главным источником передовых вооружений. Благодаря российско-китайскому военно-техническому сотрудничеству КНР смогла радикально преобразовать свои вооруженные силы, превратив их в современную военную машину.
- Руководители российского военно-промышленного комплекса (ВПК) понимали, что проданные в Китай образцы вооружений будут в итоге скопированы. Тем не менее Москва экспортировала оружие в КНР, стремясь сохранить оборонную промышленность и заработать средства для создания систем вооружений нового поколения. Поставки наиболее чувствительных систем, способных обеспечить быстрый рынок китайского ВПК и подорвать конкурентоспособность российских оружейников, военно-политическое руководство страны блокировало. В целом этот подход оказался оправданным.
- В середине 2000-х годов поставки оружия из России в КНР заметно сократились. Причинами стали насыщение китайского рынка, прогресс ВПК в самой КНР, а также возросшие опасения руководства России относительно китайского копирования и потенциальной конкуренции на рынках третьих стран. Отдельные российские лидеры выражали

опасение по поводу роста потенциала китайской армии вблизи сибирских и дальневосточных рубежей РФ.

- В 2010-х годах военно-техническое сотрудничество России и Китая возобновило рост, но масштабный прорыв произошел в 2014-м. После резкого ухудшения отношений с Западом российское руководство провело системную оценку рисков партнерства с КНР, включая сферу ВТС. В Москве пришли к выводу, что риски сотрудничества с Китаем гораздо меньше, чем было принято считать. Китайский ВПК все меньше зависит от нелегального копирования российской техники и все больше полагается на собственные разработки. Опасения относительно «засилья китайцев к востоку от Урала» также оказались преувеличенными. В этих условиях Москва решилась на продажу таких современных систем, как комплексы ПВО С-400 и истребители Су-35.
- ВТС не играет заметной роли в торговле двух стран: на него приходится не более 5 % товарооборота. Для российского ВПК продажа оружия в Китай перестала быть жизненной необходимостью, хотя КНР остается одним из важнейших экспортных рынков. Однако ВТС играет важную политическую роль, обеспечивая стратегическую глубину российско-китайского партнерства.
- В ряде отраслей военного производства Россия по-прежнему сохраняет серьезные преимущества перед КНР. Это создание средств противоздушной обороны, некоторых видов радиолокационной техники; авиационное двигателестроение, подводное кораблестроение и т. п. Однако по другим направлениям Китай сейчас опережает Россию, особенно это касается производства беспилотных летательных аппаратов. В целом для китайских вооруженных сил закупка оружия в РФ служит надежным способом быстро повысить свою военную мощь (в частности, с учетом возможного обострения конфликтов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в Тайваньском проливе).
- Украинский кризис, прекращение ВТС России с Западом и западные санкции в отношении российских производителей вооружения усилили интерес Москвы к импорту китайских технологий и оборудования военного назначения. Есть отдельные примеры закупки китайских военных технологий для нужд Вооруженных сил РФ, но это явление пока не стало масштабным.

Введение

Кризис вокруг Украины, разразившийся в начале 2014 года, положил начало новому этапу в отношениях России с окружающим миром. В условиях введенных США и ЕС санкций Москва начала углублять партнерство с Китаем — крупнейшей страной, которая не стала публично осуждать Россию за действия в Крыму и на Востоке Украины и не присоединилась к санкционному режиму. К тому моменту политические отношения Москвы и Пекина уже имели официальный статус стратегического партнерства, а с 2010 года Китай стал крупнейшим после ЕС торговым партнером России. Тем не менее украинский кризис поднял сотрудничество двух крупнейших держав Евразии на новый уровень. Одним из важнейших элементов этого партнерства стало развитие и углубление военно-технического сотрудничества (ВТС).

После нормализации двусторонних отношений в последние годы существования СССР ВТС стало одним из ключевых элементов, а в 1990-е годы — стабилизатором и главной несущей опорой взаимодействия Москвы и Пекина. Продажа российского оружия в Китай сделалась не только важнейшей статьёй экономических отношений двух стран на фоне крайне низкого товарооборота, но и позволила Москве и Пекину решать свои стратегические задачи. С помощью китайских заказов Россия сохранила многие предприятия ВПК, которые рисковала потерять из-за фактического исчезновения крупнейшего клиента отечественной «оборонки» — собственных вооруженных сил, оказавшихся в состоянии упадка. Китай же получил доступ к источнику современных вооружений в условиях, когда конструкторская школа в стране была еще слаба и большинство каналов покупки новейшего оружия перекрыты санкциями, введенными Западом против Китая в 1989 году, после событий на площади Тяньаньмэнь.

К середине 2000-х ВТС в развитии российско-китайских отношений ушло на второй план: расширилась экономическая база сотрудничества, закончили свое действие большие контракты 1990-х годов. ВПК России вышел из комы, и его капитаны начали с опаской подходить к вопросам нелегального копирования китайцами российской техники. В самом же Китае росла уверенность, что развивать оборонный комплекс страна теперь способна и без российской помощи. Однако уже в 2010-х годах этот спад замедлился. Москва и Пекин оформили механизмы защиты интеллектуальной собственности и, проведя инвентаризацию ВТС, продолжили наращивать сотрудничество в сегментах, выгодных обеим странам (правда, в денежном выражении это было несравнимо с масштабом 1990-х).

Украинский кризис привел к новому сдвигу в российско-китайском ВТС. Оказавшись отрезанной от западных технологий и рынков капитала в результате санкций, Россия начала искать способы укрепить партнерство с Китаем в надежде получить альтернативные ЕС и США источники кредитов, инвестиций и передового оборудования. ВТС вновь стало одним из инструментов развития отношений. Москва впервые провела комплексное изучение потенциальных рисков, которое могло бы таить в себе углубленное партнерство с Китаем, в том числе в сфере ВТС. Результаты анализа убедили Кремль, что риски подобного сотрудничества раньше преувеличивались. Этот вывод стал еще одним стимулом для возобновления военно-технического сотрудничества с КНР на новом этапе, учитывающем изменившиеся потребности Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и возможности китайских производителей.

Несмотря на сравнительно небольшой объем транзакций в денежном измерении (около \$ 3 млрд в год), российско-китайское ВТС имеет огромное значение для обеих сторон. Хотя сегодня российская «оборонка» не зависит в такой степени, как раньше, от китайских закупок, КНР остается крупным экспортным рынком для российского ВПК, а спрос со стороны НОАК подстегивает интерес других покупателей. Для Пекина российская оборонная промышленность — кратчайший способ получить системы, способные укрепить преимущества НОАК в стратегически важных точках, где возможна военная напряженность между Китаем и союзниками США. Наконец, сотрудничество в такой деликатной сфере, как вооружение, служит важным фактором укрепления политической оси Москва — Пекин в условиях, когда стороны не стремятся заключить формальный военный союз.

От вражды к торговле оружием

Основы военно-технического сотрудничества России и Китая были заложены еще в позднесоветский период, в конце 1980-х годов, когда Москва и Пекин под руководством Михаила Горбачева и Дэн Сяопина решили нормализовать отношения после почти трех десятилетий конфликта. В 1990-м был заключен первый контракт на поставку в КНР новейших на тот момент истребителей Су-27СК. О том, насколько важным было для Советского Союза возобновление ВТС с Китаем, говорит следующий факт. КНР, бывшая еще недавно одним из главных противников Москвы, стала первым зарубежным покупателем самого современного советского самолета, в то время как традиционные союзники довольствовались менее современными МиГ-29. Опубликованные в последние годы мемуары китайских военных руководителей¹ свидетельствуют о том, что китайцам был предоставлен довольно широкий доступ для ознакомления с советскими военными новинками. Москва даже вела с Пекином пред-

варительные переговоры о возможности поставки авианосца и палубных самолетов. Очевидно, в СССР предполагали, что после завершения холодной войны тесные связи с Китаем будут необходимы для успешного развития, и были готовы использовать экспорт военных технологий для укрепления отношений с Пекином. Российская Федерация, таким образом, стала лишь естественным продолжателем этой линии.

Важнейшим фактором активизации военно-промышленных связей между Москвой и Пекином стало установление тесных контактов между военными двух стран. В ноябре 1993 года было заключено соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны РФ и КНР, которое открыло путь к регулярному обмену делегациями и сотрудничеству в сфере подготовки военных кадров. Всего, как отмечал министр обороны РФ Сергей Шойгу в начале 2017 года, за постсоветский период в российских военных вузах прошли обучение 3600 китайских военнослужащих².

Речь идет не только о технических специалистах, занятых обслуживанием российского вооружения, но и о командных кадрах. Одновременно в первой половине 1990-х стороны успешно реализовали комплекс мероприятий по снижению военной напряженности и сокращению сил в районе границы РФ и КНР. Эти меры увенчались подписанием в 1997 году соглашения между КНР с одной стороны и Россией, Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией с другой о сокращении численности войск в приграничных районах. Соглашение³ устанавливало потолки для количества военнослужащих и основных видов военной техники в 100-километровой полосе вдоль границы, определяло формат взаимного информирования о перемещениях войск и вводило механизм инспекций. Расширение военных контактов и снижение напряженности в пограничных районах способствовали постепенному устранению препятствий для экспорта все более сложных образцов военной техники в Китай и передачи туда российских технологий. Противодействие такому сотрудничеству со стороны российских военных в 1990-е годы постепенно ослабевало.

С китайской стороны интерес к ВТС с Россией резко возрос в конце 1980-х годов из-за ограничения доступа КНР к западным источникам технологий военного и двойного назначения. В 1989-м против КНР были введены санкции США⁴ и Евросоюза⁵ в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь. В числе прочего эти меры предусматривали запрет на новые контракты в сфере ВТС. Большинство санкций против Китая были отменены уже в первой половине 1990-х годов, но в США и Евросоюзе до сих пор действуют ограничения на военно-техническое сотрудничество. Многочисленные попытки ряда европейских правительств, особенно Франции и Италии, добиться отмены эмбарго, предпринятые в пер-

Основы ВТС России и Китая были заложены в конце 1980-х годов, когда Москва и Пекин решили нормализовать отношения.

вой половине 2000-х⁶, не принесли результата. На протяжении 1990-х годов важным источником западных военных технологий для КНР оставался Израиль, однако американское давление на израильтян по данному вопросу неуклонно росло, и в начале 2000-х под нажимом Вашингтона Тель-Авив прекратил все программы военно-технического сотрудничества с КНР⁷.

Совокупность этих факторов привела к тому, что после распада СССР российское руководство сразу же начало создавать правовую базу и организационную инфраструктуру ВТС с Китаем. 24 ноября 1992 года было подписано Соглашение о военно-техническом сотрудничестве между Россией и Китаем, а 18 декабря — Меморандум о понимании между правительствами России и КНР о военно-техническом сотрудничестве. Эти соглашения определяли порядок дальнейшего ведения дел в сфере торговли оружием и учреждали Российско-китайскую комиссию по военно-техническому сотрудничеству — основной орган для обсуждения соответствующих вопросов. Комиссия, сопредседателями которой выступают министры обороны двух стран, проводит свои встречи ежегодно, поочередно в Москве и Пекине, как правило в октябре или ноябре. Перерывы в ежегодных встречах комиссии наблюдались лишь в середине 2000-х годов на фоне резкого спада ВТС.

Важной особенностью ВТС России и Китая стали довольно жесткие формальные требования китайской стороны к секретности сделок, действующие даже в случаях, когда секретность была явно бессмысленной и даже абсурдной. В результате российские и китайские чиновники зачастую отказываются обсуждать проекты в сфере ВТС, даже когда о них становится известно всему миру. Китайские СМИ в тех случаях, когда им необходимо написать про соответствующие программы, как правило, используют ссылки на зарубежные публикации, чтобы обезопасить себя от обвинений в разглашении гостайны. Российские СМИ пишут на темы ВТС без ограничений, но, как правило, имеют сложности с получением официальных комментариев госорганов и компаний.

1990-е — новый этап сотрудничества

Отношение Китая к военным вопросам радикально изменилось под влиянием войны в Персидском заливе (1990–1991), когда США и их союзники с минимальными потерями и в короткие сроки разгромили и изгнали из Кувейта⁸ иракскую армию. Армия Саддама Хусейна образца 1990 года, не считая богатого военного опыта, далеко превосходила НОАК в техническом оснащении. Война продемонстрировала растущую роль новых видов вооружений и военной техники, в развитии которых отставание КНР было особенно сильным: систем радиоэлектронной борьбы, технической разведки, управляемого оружия, средств

ПВО и т. п. Китайскому военному руководству пришлось глубоко переосмыслить новые тенденции в военном деле и приоритеты военного строительства страны. Результатом стало принятие в 1993 году новых указаний Центрального военного совета КНР по военной стратегии, согласно которым китайская армия должна была готовиться к локальной войне в условиях применения высоких технологий. Усиливавшаяся после 1989 года военно-техническая блокада Китая со стороны Запада означала, что источником таких технологий могли стать только страны бывшего СССР, прежде всего Россия.

Китайская сторона прекрасно понимала сложности российского положения. Существенные закупки нового вооружения для российских сил общего назначения были свернуты в 1992–1993 годах и возобновлены лишь после 2008–2009-го. Российский ВПК выживал за счет экспорта, причем в условиях глобального снижения военных расходов в 1990-е речь шла главным образом о двух рынках — китайском и индийском. Таким образом, при ведении переговоров с Россией китайцы обладали огромной рыночной силой и успешно ее использовали. За покупками партий вооружения с неизбежностью следовала передача лицензий. На протяжении 1990-х и начала 2000-х годов доля Китая составляла в среднем 40–45 % российских поставок оружия за рубеж, а в отдельные годы, например в 2000-м, эта цифра доходила до 60 %⁹. В номинальном выражении максимальный годовой показатель поставок был достигнут в 2002 году, когда Китай получил российского оружия и услуг военного назначения на \$ 2,7 млрд¹⁰.

Первые крупные сделки отражали приоритеты КНР в обеспечении обороноспособности и касались прежде всего боевых самолетов и авиационного вооружения. Именно по этому направлению Китай ощущал себя наиболее слабым: в стране в первой половине 1990-х годов производились лишь истребители второго послевоенного поколения, практически утратившие боевую ценность. Китай почти не производил ракет «воздух — воздух» средней дальности за исключением малосерийных и устаревших ракет PL-11.

В ноябре 1992 года Россия завершила выполнение первого, еще советского контракта на поставку в КНР истребителей Су-27. Всего ВВС НОАК получили 24 самолета Су-27СК и Су-27УБК. Был открыт путь к заключению новых контрактов. Зависимость российских предприятий от экспорта позволяла КНР длительное время оплачивать поставки оружия не валютой, а товарами, причем доля бартера могла составлять 70 % и более от суммы контракта. Преодолеть это удалось лишь к концу 1990-х годов. В 1995-м был заключен второй контракт на поставку истребителей. На фоне увеличения закупок китайская сторона настаивала на начале пе-

Первые крупные сделки отражали приоритеты Китая и касались прежде всего боевых самолетов и авиационного вооружения.

реговоров о передаче лицензии на производство Су-27СК. Китай получил эту лицензию в декабре 1996 года, причем лицензионное соглашение предполагало производство в КНР 95 самолетов с опционом еще на 105 машин (этот опцион не был использован китайцами).

Эта сделка имела этапное значение и для российско-китайского ВТС, и для развития китайской военной машины (Су-27 и его многочисленные китайские производные сегодня составляют основу боевого состава ВВС и морской авиации НОАК и продолжают совершенствоваться), поэтому она заслуживает отдельного рассмотрения. На примере этого контракта отчетливо видны стратегии Москвы и Пекина в отношении двустороннего ВТС.

Стратегическая сделка

Сделка 1995–1996 годов предполагала постепенное доведение локализации продаваемых в Китай самолетов Су-27 до 70 %, при этом не планировалось передавать КНР ряд ключевых технологий. Самолеты имели ряд конструктивных изменений по сравнению с образцами, применявшимися в российских ВВС, в том числе упрощенную систему радиоэлектронной борьбы. Нарушение китайцами лицензионного соглашения изначально предполагалось, но рассматривалось как приемлемый риск. Пользуясь дезорганизацией и хаосом в России, китайцы активизировали усилия разведки по приобретению образцов агрегатов Су-27, состоявших на вооружении российских ВВС, и на протяжении 1990-х — начала 2000-х добились в этом определенных результатов.

Российские СМИ сообщали¹¹ о перекрытии ФСБ некоторых каналов поставок материалов и оборудования, связанных с Су-27, за рубеж, но, очевидно, эффективность таких усилий не могла быть стопроцентной. Во многих случаях в 1990-е годы Россия просто не могла контролировать процесс приобретения Китаем образцов военной техники и технической документации на изделия российского производства. Образцы техники и вооружения, такие как истребители Су-27, в значительных количествах остались на территориях бывших республик СССР. Ремонтные предприятия на территории Украины и Белоруссии, допущенные к проведению капитального ремонта многих видов техники российского производства, имели необходимые для этого комплекты технической документации и запасных частей.

В этих условиях жесткий отказ от передачи технологий КНР не всегда имел смысл. С другой стороны, реинвестирование полученных от китайцев средств позволяло поддерживать и даже развивать оставшиеся у России предприятия ВПК. При этом в середине 1990-х годов Москва не слишком высоко оценивала способность китайцев к самостоятельным инновациям. Россия имела все шансы создать новые образцы вооруже-

ния к тому времени, когда китайцы освоят нелегальное копирование старых. По большинству направлений такой подход оправдался.

В случае с Су-27 это сработало следующим образом. По контрактам 1990 и 1995 годов китайцы получили 38 истребителей Су-27СК и 10 истребителей Су-27УБК. Далее у России появилась возможность продолжать экспорт в КНР других типов истребителей (китайцы увязывали дальнейшие закупки и передачу лицензий на Су-27). Помимо 95 комплектов для лицензионного производства Су-27СК в 1998–2003 годах, Китаю было поставлено еще 30 двухместных учебно-боевых истребителей Су-27УБК, 76 Су-30МКК, 24 истребителя Су-30МК2. Таким образом, всего с начала 1990-х годов Китай получил 273 российских тяжелых истребителя включая машинокомплекты — огромная величина по тем временам. Суммарно это более половины всех экспортных поставок истребителей Су в «голодные годы» (1992–2009), когда оборонная промышленность жила за счет экспорта.

Китайские контракты в значительной степени обеспечили выживание российской военной авиационной промышленности. Предприятия, участвовавшие в выполнении этих работ — КНААПО (Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение имени Юрия Гагарина) и ИАПО (Иркутское авиационное производственное объединение, ныне корпорация «Иркут»), — стали основой российского авиапрома. Они до сих пор играют главную роль не только в программах производства военной авиатехники, но и в проектах по восстановлению производства гражданских самолетов в России (SSJ-100, MC-21). Авиационные предприятия, не участвовавшие в выполнении китайских и индийских заказов, в 1990–2000-е годы пережили тяжелый упадок. К концу 2000-х они стали возрождаться благодаря господдержке, но их роль в российском ВПК остается второстепенной.

Разумеется, китайская сторона предполагала нарушение лицензионного соглашения изначально и вела работу по созданию собственной версии Су-27СК, не имеющей российских компонентов, с конца 1990-х годов. Однако поступление этих самолетов, получивших название J-11В, в войска началось лишь около 2006–2007 годов. При этом до середины 2010-х для большинства из этих машин Китай закупал двигатели АЛ-31Ф в России, что давало дополнительный доход российской промышленности. На базе J-11 КНР создала целую линейку боевых самолетов: J-11В, двухместные J-11BS и J-16, палубные J-15, радикально модернизированный вариант J-11D и другие. Тем не менее до сих пор ни один из этих самолетов не был поставлен китайцами на экспорт и не составил конкуренцию российским производителям.

Китайские контракты в значительной степени обеспечили выживание российской военной авиационной промышленности.

Дискуссия в руководстве российского ВПК и среди высшего командования вокруг поставок Су-27 Китаю стала важным этапом в эволюции взглядов Москвы не только на ВТС с Китаем, но и на экспорт вооружений в целом. В годы СССР Москва передавала союзникам технику, значительно уступающую по характеристикам тем системам, что состояли на вооружении Советской армии. В 1990-е Москва поначалу старалась сохранять определенный разрыв между техническим уровнем передаваемых на экспорт технологий и передовыми возможностями, доступными для российских военных. Однако из-за фактического прекращения закупок российской армией вооружений в период 1993–2009 годов это условие было все труднее выполнить. Уже к концу 1990-х техника, состоявшая на вооружении в России, стала устаревать и не могла быть экспортирована. В итоге новые виды вооружений и военной техники создавались исходя из экспортных перспектив и намного превосходили все, что имелось в распоряжении российских военных¹².

Российские военные, которые уже не были важными клиентами российского ВПК и видели, как упал авторитет армии в российском обществе, едва ли могли возражать против такого подхода. Они блокировали лишь те контракты, которые, по их мнению, могли быть особенно нежелательны с точки зрения интересов безопасности России. К числу подобных заблокированных проектов можно, в частности, отнести обсуждавшуюся в 1990-е годы поставку Китаю дальних бомбардировщиков Ту-22М3 с передачей лицензий. В этих условиях Россия постепенно переходила к индивидуальной оценке рисков сотрудничества с КНР по каждому конкретному проекту, принимая во внимание как вероятность и предполагаемые сроки копирования того или иного образца, так и возможный ущерб безопасности России. В сложной системе согласования подобных сделок

участвовали государственный монополист в области поставок оружия на экспорт «Рособоронэкспорт» (и его предшественники), Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству и другие структуры. Принималось во внимание и положение конкретных предприятий промышленности.

Таким образом, история с российскими поставками истребителей Су в Китай может рассматриваться как

успешная. Россия смогла в трудный период сохранить и отчасти даже модернизировать критически важную часть собственного ВПК, в то время как ущерб от нарушения китайцами российских прав на интеллектуальную собственность был не слишком велик и ограничивался китайским рынком. Угроза нарушения прав интеллектуальной собственности — риск, который принимает во внимание каждая иностранная компания, сотрудничающая с китайцами, независимо от отрасли или страны происхождения¹³. Нарушения со стороны китайцев ожидаются практически

В 1990-е ВТС Китая и РФ охватывало все сферы производства вооружения и военной техники для сил общего назначения.

всегда, и вопрос лишь в соотношении рисков и выгод. В истории с Су-27 (и в большинстве других проектов российско-китайского ВТС) это соотношение было просчитано правильно.

Расцвет сотрудничества

Логика развития отношений Москвы и Пекина, наблюдаемая на примере наиболее крупной оружейной сделки по Су-27, проявила себя и в других направлениях ВТС. Кроме того, на расширение и углубление военного сотрудничества с Китаем заметно повлияли эволюция внешней политики России и ухудшение экономической ситуации в РФ в 1990-е годы. Бедственное положение предприятий ВПК вынуждало руководителей конкретных заводов, а также капитанов российской «оборонки» все активнее лоббировать развитие связей с Китаем. Важно и окончание оптимизма по поводу отношений с Западом, характерного для первых лет внешней политики Российской Федерации. Война в Чечне и действия НАТО в Югославии привели к постепенной деградации отношений с США и Европой. Одним из элементов перехода Москвы к многовекторной внешней политике стало официальное оформление стратегического партнерства с КНР в апреле 1996 года во время визита Бориса Ельцина в Пекин и Шанхай.

В результате в 1990-е годы российско-китайское ВТС охватывало практически все сферы производства вооружения и военной техники для сил общего назначения. Итогом стало фронтальное перевооружение всей китайской военной машины, совершившей с российской помощью скачок на одно-два поколения военной техники вперед по большинству направлений.

Этот процесс, как правило, игнорировался в США и других странах Запада, где слишком негативно оценивали российскую промышленность, преувеличивая глубину ее упадка, и особенно высокомерно относились к китайским усилиям по модернизации ВПК. На конец 1990-х — начало 2000-х рассуждения о неуспешности китайских военно-технических усилий занимали видное место в западных публикациях о военной мощи КНР. Преобладала точка зрения, что лишь к середине XXI века китайцам удастся решить задачи подготовки НОАК в ведении «локальных войн в условиях применения высоких технологий» и стать ведущей военной державой в регионе. При этом потенциал ВТС с иностранными государствами оценивался невысоко¹⁴.

К концу 1990-х годов все большую роль в двустороннем ВТС (помимо прямых продаж оружия и передачи КНР лицензий на производство военной техники) стала играть разработка военной техники российскими инженерами по китайскому заказу. Плоды собственных китайских усилий и сотрудничества с Россией стали в полной мере очевидны лишь к концу 2000-х годов. Поворотным моментом в этом отношении может

считаться военный парад 2009 года в честь 60-летия КНР. Даже если бы страны Запада решили тогда повлиять на российско-китайское военно-техническое сотрудничество, предложив Москве какие-то стимулы для ограничения поставок передовых систем в Китай, было уже поздно.

Каковы же основные итоги и направления российско-китайского ВТС до начала украинского кризиса?

Авиация

В ключевой для НОАК авиационной сфере, помимо упомянутых поставок истребителей Су-27, Россия осуществила с КНР следующие важнейшие технологические проекты:

- подготовка эскизного проекта боевого вертолета WZ-10,
- помощь в проектировании экспортного истребителя FC-1,
- помощь в разработке учебно-боевого самолета L-15 (представляет собой по сути китайский вариант российского Як-130),
- разработка в интересах китайской промышленности ключевых компонентов для ракеты PL-12 класса «воздух — воздух» (основное оружие современных китайских истребителей) и многочисленные их поставки,
- передача лицензии на производство ракеты X-31П (китайское обозначение: YJ-91).

Кроме того, начиная с 1990-х годов Россия производила масштабные поставки в Китай транспортных вертолетов Ми-17, общее число которых может превышать 400 единиц, а также морских вертолетов Ка-28, Ка-31. Поставлялись военно-транспортные самолеты Ил-76 (новые и из наличия ВВС России). Вместе с боевыми самолетами Китай получил из России крупные партии авиационного управляемого вооружения, включая ракеты класса «воздух — воздух» Р-73Э, Р-27 и РВВ-АЕ, ракеты класса «воздух — поверхность» X-25, X-29ТЭ, X-59МЭ, противорадиолокационные ракеты X-31П, противокорабельные ракеты X-31А и X-59МК, корректируемые авиационные бомбы КАБ-1500Кр, противолодочные ракеты АПР-3МЭ (для вертолетов Ка-28).

С 1990-х годов и до настоящего времени осуществляются значительные поставки авиационных двигателей РД-93 (для FC-1), АЛ-31Ф (для самолетов семейства J-11), АЛ-31ФН (J-10), Д-30КП2 (бомбардировщики Н-6К, транспортники Y-20). Несмотря на то что китайцы постепенно преодолевают зависимость от российских поставок двигателей для массовых типов истребителей четвертого поколения, эта зависимость сохраняется для перспективных образцов авиационной техники, тяжелых военно-транспортных самолетов и бомбардировщиков. Кроме того, опыт показывает, что китайская авиационная техника практически всегда оснащается импортными двигателями в случае экспорта. Контроль над производством двигателей для экспортных типов китайской авиатехники,

таких как истребитель FC-1, позволяет России в ряде случаев ограждать от них свои наиболее важные экспортные рынки.

Морская техника

В сфере военно-морских вооружений российские специалисты оказали помощь китайцам в разработке фрегатов проектов 054/054А (в настоящее время одних из наиболее массовых боевых кораблей ВМС НОАК); передали лицензии на морской зенитный ракетный комплекс «Штиль-1», на корабельные 76-мм артиллерийские установки АК-176; разработали образцы торпедного и минного оружия для ВМС НОАК. Судя по последним заявлениям российского министра обороны Сергея Шойгу¹⁵, Россия передала лицензию на некий тип противокорабельных ракет (предположительно, ЗМ-54Э, китайский аналог которых имеет название YJ-18). С начала 1990-х годов осуществляется сотрудничество в разработке и производстве глубоководных аппаратов — как обитаемых, так и дистанционно управляемых.

До 2014 года Россия поставила Китаю следующие образцы военно-морской техники:

- два эскадренных миноносца проекта 956Э,
- два эскадренных миноносца модернизированного проекта 956ЭМ,
- четыре дизель-электрические подводные лодки: две проекта 877ЭК и две проекта 636,
- восемь дизель-электрических подводных лодок проекта 636М, оснащенных ракетным комплексом Club-S,
- два комплекса береговой загоризонтной РЛС «Подсолнух-Э»,
- большое количество корабельного радиолокационного оборудования,
- не менее двух комплектов корабельных ЗРК «Риф-М».

ПВО и оружие для сухопутных войск

Значительное место в поставках российского вооружения в КНР занимали средства ПВО. В 1990-е и 2000-е годы Китай получил в общей сложности не менее 27 дивизионов зенитных ракетных комплексов (ЗРК) большой дальности С-300ПМУ-1 и С-300ПМУ-2, а также 27 боевых машин ЗРК малой дальности Тор-М1. Производство «торов» было впоследствии развернуто в КНР под обозначением HQ-17 (на данный момент точно не известно, идет ли речь о копировании или о передаче лицензии — более вероятным представляется второе). Россия оказала КНР помощь в разработке и развертывании производства зенитных ракетных комплексов средней дальности HQ-16, превращающихся в одну из наиболее массовых систем ПВО в составе НОАК. Кроме того, с российским участием были разработаны наземные элементы ЗРК HQ-9.

Несмотря на то что сухопутные войска в списке приоритетов китайского военного строительства неуклонно теряли значимость¹⁶, роль России и здесь была весьма велика. Китаю были переданы лицензии на производство 155-мм управляемых снарядов 2К25М «Краснополь» с лазерным наведением, танковых комплексов управляемого оружия 9К119М «Рефлекс-М», а также боевого модуля «Бахча-У», которым оснащаются все китайские современные боевые машины пехоты. Китай получил лицензии на производство пехотного огнемета «Шмель», боевого отделения 120-мм орудия «Нона-СВК», боевого отделения 152-мм самоходной гаубицы 2С19М2 «Мста-С» и, по всей видимости, реактивной системы залпового огня 9К58 «Смерч».

Роль России в наращивании китайской военной мощи не исчерпывается этим списком. Российские предприятия внедрили значительное число небольших научно-исследовательских работ по созданию систем и агрегатов для китайских изделий, которые не отражались в публикациях официальных медиа; проводилась подготовка китайских кадров; развивалось сотрудничество в смежных с военными областях гражданской науки и технологий и т. п. В целом благодаря сотрудничеству с Россией Китай в 1990-е — первой половине 2000-х годов смог радикально перевооружить НОАК и получить значительно более современные вооруженные силы, в гораздо большей степени отвечающие задачам ведения боевых действий в XXI веке. Одновременно ВТС с Москвой позволило Пекину заметно укрепить потенциал собственного ВПК — благодаря покупке лицензий, нелицензионному копированию техники, а также подготовке кадров российскими специалистами.

Во многом как раз эти успехи объясняют паузу в сотрудничестве, возникшую в середине 2000-х годов.

Замедление сотрудничества

В середине 2000-х в ВТС России и Китая наметилась стагнация. Наиболее явно это проявилось в том, что в 2006 и 2007 годах даже не проводились заседания российско-китайской комиссии по ВТС из-за отсутствия тем для обсуждения. Китай формально ссылался на несостоявшийся контракт по закупке 38 военно-транспортных самолетов Ил-76МД и Ил-78МК, а также на претензии к ранее поставленной военно-морской технике. «На самом деле, если бы мы все устранили, китайцы бы придумали другую отговорку. Они настроены все делать у себя — либо купить лицензию, либо скопировать», — описывал ситуацию источник газеты «Коммерсантъ» в российском правительстве¹⁷. Такая ситуация объясняется целым комплексом причин, затрагивающих Китай, Россию и отношения Москвы и Пекина между собой.

Прежде всего, для российского ВПК экспорт в Китай перестал быть жизненной необходимостью. Сохранив ключевые предприятия обо-

ронного комплекса в 1990-е годы, Россия еще с середины 2000-х начала планировать масштабное перевооружение собственных вооруженных сил. Анализ грузинской кампании 2008 года стал одним из дополнительных стимулов. Итогом этой работы стало принятие в 2009-м гигантской Государственной программы вооружений — 2020 (ГПВ-2020) на общую сумму около 20 трлн рублей. В результате со второй половины 2000-х экспорт постепенно снижал свое значение для оборонного комплекса. Уже в 2012 году российский вице-премьер Дмитрий Рогозин констатировал, что 45 % выручки российского ВПК приходилось на государственный оборонный заказ со стороны России, 33 % — на гражданское производство и лишь 22 % — на экспорт вооружения и военной техники¹⁸.

Значение китайского рынка для отечественного ВПК снижалось не только благодаря росту платежеспособного спроса на российскую военную технику со стороны Вооруженных сил РФ. Этому способствовала и диверсификация оружейного экспорта. В 2000-е и начале 2010-х годов Россия смогла резко нарастить экспорт вооружения и военной техники на ряд традиционных и новых рынков, таких как Алжир, Венесуэла, Вьетнам, Индонезия. Получив значительные доходы от возросших в середине 2000-х цен на углеводороды, эти страны начали активно модернизировать свои армии, и Россия для многих оказалась одним из самых привлекательных партнеров как по соотношению цены и качества импортируемого оружия, так и по политическим причинам: приобрести системы с сопоставимыми характеристиками в США или ЕС было невозможно из-за ограничений.

Наконец, рост цен на углеводороды и значительный приток нефтедолларов в российскую казну обеспечил Москву дополнительными финансовыми ресурсами. Государство стало без особых трудностей покрывать свои социальные обязательства и расширять их, пользуясь нефтегазовыми доходами. Теперь можно было более избирательно относиться к другим источникам дохода, включая экспорт оружия в Китай. Кроме того, роль ВТС для стабильности отношений Москвы и Пекина, которая в 1990-е годы была одной из основ российско-китайского партнерства, начала снижаться. Объем двусторонней торговли, колебавшийся в 1990-е в пределах \$ 4–5 млрд, вырос с \$ 5,7 млрд в 1999-м до \$ 56,9 млрд в предкризисном 2008 году. Одним из важнейших факторов в этом процессе стало расширение номенклатуры торговли и увеличение экспорта российского сырья в Китай: нефти (после контрактов «Роснефти» и CNPC в 2004-м), металлов и леса. На фоне бурного роста взаимной торговли доля ВТС в ее структуре снижалась, превращая торговлю оружием из основы двусторонних экономических отношений в один из многих элементов сотрудничества.

В середине 2000-х наметилась стагнация: экспорт в Китай перестал быть необходимостью для российского ВПК.

В результате в политическом руководстве России и среди капитанов ВПК возобновились дискуссии относительно перспектив ВТС с Пекином в изменившихся условиях. Москва стала гораздо больше внимания уделять анализу рисков. Российскую сторону все больше беспокоили, во-первых, проблема масштабов нелегального копирования полученной от РФ техники, во-вторых, потенциал будущей конкуренции со стороны китайского ВПК на новообретенных рынках, особенно в странах Северной Африки и Латинской Америки. Эта тема тревожила Кремль настолько, что в июле 2010 года администрация президента заказала специальное исследование на тему «Особенности стратегии и тактики китайских экспортеров вооружения и военной техники: феномен успеха и основные конкурентные преимущества»¹⁹.

Несмотря на окончательное решение пограничного вопроса с КНР в 2004–2006 годах, среди российского руководства вновь возобновились дискуссии о возможностях китайской экономической, демографической и — в отдаленном будущем — военной экспансии на слабозаселенные сопредельные территории Дальнего Востока РФ и Восточной Сибири. О беспокойстве Москвы по этому поводу свидетельствует реализованный в середине 2000-х годов комплекс мер по сокращению приграничной торговли регионов Дальнего Востока с Северо-Востоком КНР и мягкому «выдавливанию» некоторых китайских инвесторов с территории РФ. Потенциальную связь между ограничением экспорта в Китай передовых систем вооружения и обеспокоенностью Москвы относительно намерений НОАК подтверждают и неформальные высказывания руководителей российского ВПК²⁰. Результатом этих дискуссий, судя по всему, было решение не спешить с продажей Китаю новейших систем вроде систем ПВО С-400 или истребителей Су-35, а настаивать на максимально выгодных (и необязательно приемлемых для КНР) условиях. Отсутствие сделки было на тот момент лучше, чем сделка, не удовлетворявшая выросших требований Москвы к двустороннему ВТС.

В Китае также сложился комплекс причин, которые в середине и второй половине 2000-х на время снизили интерес Пекина к закупкам российской техники. После того как в 2003–2004 годах завершились программы лицензионного производства истребителей Су-27СК и закончились основные поставки истребителей Су-30МКК, Китай начал постепенно снижать импорт российского оружия. Это стало следствием возросшей самоуверенности капитанов китайского ВПК, которые давали своему руководству явно нереалистичные обещания. Например, еще в 2006 году Первая авиапромышленная корпорация Китая (AVIC I, ставшая в 2008 году частью единого концерна AVIC) заявила, что программа разработки авиационного двигателя WS-10A Taihang завершена. Однако на протяжении ряда лет качество и надежность этих двигателей были столь низкими, что их массовая эксплуатация в войсках не была возмож-

на²¹. По-настоящему массовое распространение в китайской авиации эти двигатели получили лишь спустя десятилетие²².

Все эти факторы в совокупности привели к тому, что доля КНР в российском военном экспорте ко второй половине 2000-х снизилась до уровня ниже 10 %, а на момент украинского кризиса находилась в диапазоне около 12 %²³. Постепенное восстановление объемов ВТС было зафиксировано в начале 2010-х годов, когда китайская сторона вынуждена была признать ограниченность возможностей своей промышленности и зависимость от РФ по части критических компонентов. Москва также стала более оптимистично смотреть на перспективы выгодного сотрудничества с КНР — отчасти повлиял экономический кризис, вновь поставивший вопрос о диверсификации источников наполнения бюджета. Однако решающее влияние на углубление ВТС России и Китая на современном этапе, безусловно, оказал украинский кризис 2014 года.

Новый поворот к Китаю

События 2014 года на Украине и последовавшие за ними со стороны США, ЕС и их союзников санкции против России активизировали азиатскую политику Москвы. Особое внимание к Азиатско-Тихоокеанскому региону Кремль начал проявлять еще раньше, в 2011 году, когда стало очевидно, что именно туда смещается основной центр роста мировой экономики. Однако именно украинские события ускорили российский «поворот на Восток»: после ввода санкций Москва начала усиленно искать возможности нарастить связи с азиатскими партнерами, чтобы компенсировать сократившийся из-за санкций объем кредитов и инвестиций, а также обеспечить доступ к технологиям.

Единственным очевидным кандидатом на роль «друга, который познается в беде» стал Пекин. Китай оказался единственной крупной экономикой, которая не ввела санкции против РФ. Более того, Пекин устами члена постоянного комитета Политбюро КПК, первого вице-премьера Госсовета КНР Чжана Гаоли решительно осудил односторонние экономические ограничения в отношении Москвы. Китай обладал огромными финансовыми ресурсами (порядка \$ 4 трлн золотовалютных резервов в 2014-м), с 2010 года был крупнейшим торговым партнером России после ЕС (в 2014-м, до падения цен на нефть, объем торговли составил \$ 95,3 млрд), а также проявлял интерес к многочисленным проектам в российской экономике. Другие азиатские страны, очевидно, при всем желании не смогли бы помочь России. Япония вслед за партнерами по «Большой семерке» была вынуждена ввести санкции против РФ, хотя премьер Синдзо Абэ этого не хотел, а Южная Корея и страны АСЕАН не обладали большими ресурсами для поддержки России и к тому же были подвержены давлению США.

Осознав необходимость укрепления партнерства с Китаем, весной 2014 года различные российские ведомства провели анализ потенциальных рисков, которые несет в себе сотрудничество с КНР: перед тем как бросаться в объятия Пекину, Москва хотела понять, каковы пределы безопасного участия гигантского соседа в российской экономике. Среди прочего руководство РФ получило более комплексное представление об основных трендах развития китайского ВПК, внешней политике Китая и приоритетах его военно-стратегического планирования, а также о присутствии китайцев в Сибири и на Дальнем Востоке России. Итогом этой работы стало более глубокое понимание природы вызовов, которые таит в себе для России долгосрочное возвышение Китая.

В частности, анализ ситуации с китайским присутствием за Уралом показал, что России не стоит опасаться «ползучей демографической экспансии» Китая на пустующие территории: количество граждан КНР в России ограниченное (по различным оценкам, одновременно на территории РФ находится до 500 тысяч граждан КНР, больше половины — в европейской части страны), большинство китайских трудовых мигрантов на Дальнем Востоке пребывают там временно, а после девальвации рубля в 2014 году многие китайцы начали возвращаться на родину в поисках более высоких заработков. Таким образом, в Москве пришли к выводу, что бытовавшие в российских СМИ, экспертном сообществе и части властных органов представления об опасности китайской миграции на Дальний Восток оказались излишне алармистскими, а сценарий будущего «присоединения» территорий РФ к Китаю по «крымскому сценарию» — совершенно нереалистичным. Кроме того, руководство РФ получило более адекватное представление о внутренней трансформации китайской экономики: о старении населения, сокращении рабочей силы, политике по уменьшению потребления природных ресурсов. Для Китая все эти факторы снижают привлекательность (и так крайне невысокую) идеи какой-либо формы борьбы с Россией за контроль над территориями к востоку от Урала.

Кроме того, российское правительство получило адекватное представление о траектории развития китайского ВПК. Четко сознавая проблемы, с которыми сталкиваются и будут сталкиваться китайские оружейники, в Москве пришли к выводу, что в долгосрочной перспективе Китай будет все меньше зависеть от российской военной промышленности и что по мере развития китайского ВПК без участия российской стороны — через прямые продажи техники, передачу лицензий, а в будущем, возможно, совместную разработку оружия — возможности РФ зарабатывать деньги на китайском рынке вооружений будут все более ограниченны. Свидетельством изменения подхода стало программное интервью гендиректора «Рособоронэкспорта» Анатолия Исайкина в апреле 2015 года газете «Коммерсантъ», в котором среди прочего было объявлено о за-

ключении контракта на продажу в Китай систем ПВО С-400. В ответ на вопрос корреспондента, не боятся ли российские предприятия вступать в кооперацию с предприятиями КНР, Исайкин ответил: «Я считаю, что если мы работаем в интересах КНР, то работаем и в своих интересах»²⁴. Эта же цитата была вынесена в заголовок всего интервью, начинавшегося на первой полосе газеты.

В результате проведенного анализа отношение Москвы к развитию ВТС с Китаем изменилось на более открытое. Продажа Китаю современного оружия стала частью стратегии сближения с Пекином в ответ на системный кризис в отношениях с Западом. При этом ВТС рассматривалось не столько как источник получения дополнительных доходов в условиях кризиса (хотя, безусловно, для многих предприятий в промышленной империи «Ростеха» новые китайские контракты важны, а для самого «Ростеха» привлекательность сделок с КНР повышается эффектом девальвации), сколько как один из эффективных способов углубить политические отношения двух стран перед лицом общего вызова. Москва согласилась активнее помогать Китаю наращивать его военную мощь и укреплять потенциал в свете стоящих перед НОАК задач в Тихом океане (разумеется, небескорыстно), ожидая в ответ, что Китай поможет России легче пережить самый острый период противостояния с Западом благодаря инвестициям и кредитам, а также необходимым технологиям (также небесплатно).

В целом этот подход сработал. Конечно, Китай не стал масштабно помогать России в силу целого комплекса причин, среди которых последствия антикоррупционной кампании в Китае, парализовавшей процесс принятия решений на многих госпредприятиях; падение цен на сырье; торможение самой китайской экономики. Кроме того, компании КНР, работающие на глобальных рынках, внимательно относились к западным санкциям. Однако, несмотря на это, Пекин осуществил несколько важных инвестиций в проекты, приоритетные для президента России Владимира Путина, а также предоставил ряду российских компаний доступ к дешевому финансированию. Наиболее значимым символическим жестом поддержки со стороны Пекина стало участие китайских компаний в строительстве энергомоста в Крым²⁵, несмотря на западные санкции.

В сфере ВТС масштабные сдвиги произошли осенью 2014 года, вскоре после вступления в силу секторальных санкций США и ЕС. Москва и Пекин завершили многолетние переговоры по поставкам четырех дивизионов новейшего российского комплекса ПВО С-400. А осенью 2015-го была заключена сделка по поставкам одного полка (24 машины) истребителей Су-35С поколения «4++». Переговоры по обоим контрактам начались как минимум в 2010 году, и в какой-то момент соглашения наверня-

В ВТС России и Китая масштабные сдвиги произошли осенью 2014 года — после вступления в силу санкций США и ЕС.

ка и так были бы подписаны. Однако события на Украине и проделанная Москвой «домашняя работа» по анализу связанных с КНР рисков явно ускорили дело. Стоимость контрактов по Су-35 оценивается в \$ 2 млрд, по С-400 — в пределах \$ 1,9 млрд²⁶. Первая партия из четырех Су-35 была передана заказчику в конце 2016 года. Начало поставок С-400 ожидается к концу 2017-го. Другой важной областью двустороннего ВТС остается авиационное двигателестроение. Объединенная авиадвигательная корпорация заключила контракт на поставку в КНР двигателей Д-30 и АЛ-31Ф на сумму \$ 1 млрд²⁷.

Согласно заявлению министра обороны России Сергея Шойгу, в 2016 году объем реализованных поставок товаров и услуг военного назначения в Китай превысил \$ 3 млрд²⁸, а общий портфель китайских заказов составляет около \$ 8 млрд. Судя по всему, половина этой суммы приходится на контракты по Су-35 и С-400, еще \$ 1 млрд составляют контракты по авиадвигателям. Можно предположить, что оставшиеся \$ 3 млрд могут приходиться на контракт по противокорабельным ракетам, поставки запчастей, материалов и оборудования, а также на многочисленные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Добившись серьезного прогресса в самостоятельной разработке и системной интеграции сложной техники, китайцы продолжают страдать от непропорционального развития различных компонентов своего огромного ВПК и отставания многих поставщиков критически важных материалов и компонентов. Россия восполняет эти пробелы, осуществляя в китайских интересах и соответствующие НИОКР, и поставки. Сегодня сотрудничество — это в первую очередь не малое число крупных контрактов на поставки оружия, а десятки или сотни мелких соглашений, с трудом идентифицируемых СМИ.

Украинский кризис, прекращение ВТС России с Западом и санкции в отношении российских производителей вооружения привели не только к увеличению поставок российского оружия в Китай, но и к росту интереса с российской стороны к импорту китайских технологий и оборудования военного назначения. Впрочем, о качественном повороте говорить пока рано. С определенностью было заявлено об импорте китайских дизелей для сторожевых катеров проекта 12200 российской пограничной службы²⁹. Помимо этого, ведутся затяжные переговоры о закупке китайских технологий для создания электронной компонентной базы космического назначения в обмен на российские технологии производства ракетного двигателя РД-180³⁰.

При этом по отдельным направлениям производства военной техники Китай уже сейчас опережает Россию. Характерным примером могут служить беспилотные летательные аппараты. Сегодня КНР — крупный производитель и экспортер таких боевых беспилотников, как аппараты семейства Yilong концерна AVIC и Rainbow концерна CASC. Китайские

аппараты состоят на вооружении многих государств, в том числе стран постсоветского пространства (Узбекистана, Казахстана), и принимают участие в боевых действиях в Ираке, Нигерии, Йемене. Россия до сих пор не производит ударные беспилотники, но, судя по доступной информации, о закупке китайских машин речи пока не идет.

По итогам двух лет после украинского кризиса можно сказать, что углубление ВТС между Россией и Китаем налицо. Об этом говорят не только структурные сдвиги в сотрудничестве, но и его возросшие объемы. Доля продаж в Китай составила по итогам 2016 года примерно 20 % российской выручки от экспорта оружия. С учетом инфляции данный показатель пока, конечно, уступает рекордным цифрам начала 2000-х, но уже близко подходит к ним.

Заключение

Начавшееся после нормализации отношений между Москвой и Пекином российско-китайское военно-техническое сотрудничество на протяжении 1990–2000-х годов помогало обеим странам решить важные стратегические задачи. Россия благодаря китайским заказам смогла в значительном объеме сохранить свою военную промышленность, что обеспечило восстановление российского ВПК со второй половины 2000-х годов. Китай же, помимо совершенствования своего ВПК, решил главную задачу — комплексное перевооружение НОАК, превращение ее в гораздо более современную армию, подготовленную к ведению боевых действий в новых условиях.

С российской стороны неизбежной платой за выгодное сотрудничество с КНР стала передача ряда военных технологий Китаю (включая случаи нелегального копирования техники), приведшая к существенному росту потенциала китайского ВПК. Тем не менее во многих сферах военного производства благодаря значительным государственным инвестициям, которые возобновились с конца 2000-х, Россия сохраняет серьезные преимущества перед КНР. Это касается средств противовоздушной обороны, авиационного двигателестроения, ряда видов радиолокационной техники, подводного кораблестроения и т. п. Однако есть и сферы, где Россия начала отставать. Помимо ударных беспилотников, Россия не создает средние транспортные самолеты грузоподъемностью 20 тонн (они разрабатывались КБ Антонова и производились в советское время на Украине), а проект такого самолета (Ил-214) находится в ранней стадии. В сфере надводного кораблестроения Китай уже освоил некоторые типы кораблей, которые не строила даже промышленность СССР (например, десантно-вертолетные корабли-доки проекта 071). Значительная часть китайской экспансии на международных рынках вооружений приходится именно на системы, у которых нет российских

аналогов. Все больше случаев, когда российские производители терпят прямое поражение в конкурентной борьбе, — особенно показательна китайская экспансия на рынках тяжелых реактивных систем залпового огня на Ближнем Востоке и в Африке. Но в целом потенциал китайской конкуренции российским оружейникам пока ограничен.

Для российско-китайского ВТС украинский кризис сыграл роль катализатора. Еще до этого китайская сторона стала более адекватно оценивать сохраняющуюся зависимость от российской оборонной промышленности и невозможность своего ВПК производить, по крайней мере сейчас, аналогичную продукцию. Поэтому к моменту украинских событий военно-техническое сотрудничество двух стран уже успело возобновиться после спада середины 2000-х. Россию же события на Украине и западные санкции подтолкнули к масштабной переоценке рисков сотрудничества с КНР, что привело к более открытой позиции Кремля по вопросам российско-китайского ВТС. При этом в структуре двусторонней торговли ВТС, несмотря на растущие объемы, играет все меньшую роль: по итогам 2016 года на эту сферу приходилось менее 5 % товарооборота (хотя, безусловно, для России оружие остается одной из важнейших статей экспорта высокотехнологичной продукции в Китай). Тем не менее сотрудничество служит важным индикатором возросшего уровня доверия в российско-китайских отношениях и своеобразной «политической инвестицией» в эти отношения со стороны Москвы.

Несмотря на ограниченный объем новых контрактов, их значение для Китая не стоит недооценивать. Проданные Москвой системы ПВО С-400 и истребители Су-35 в будущем смогут значительно повысить боеготовность НОАК в критических точках в Тихом океане — там, где Китаю все больше необходимо демонстрировать потенциал сдерживания США и их союзников или где существует риск ограниченной военной конфронтации. Во-первых, это касается акватории Южно-Китайского моря, где Пекин участвует в территориальных спорах вокруг островов Спратли, Тайваньского пролива. Во-вторых — акватории Восточно-Китайского моря, где Китай оспаривает принадлежность контролируемых Японией островов Сэнкаку (Дяюйдао). Технические характеристики С-400 и Су-35 позволят НОАК решить ряд важных задач, которые заметно укрепят позиции Китая в потенциальных конфликтах, повысят цену участия в военных действиях для вероятных противников и снизят возможность политического давления со стороны США с угрозой использования военной силы. В частности, благодаря дальности действия С-400 НОАК сможет контролировать воздушное пространство Тайваня с безопасных позиций в провинции Фуцзянь. То же самое относится к островам Сэнкаку: воздушное пространство над ними китайская армия сможет простреливать с помощью С-400 из провинции Шаньдун. Разместив же С-400 на искусственных островах в Южно-Китайском мо-

ре и расширив возможности своей авиации благодаря использованию Су-35, Пекин приблизится к своей цели — установлению опознавательной зоны ПВО в районе территориального спора.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе именно ВТС является тем аспектом российско-китайских отношений, который может иметь наиболее ощутимые прямые последствия для интересов США и их союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно для Японии. Одной из целей политики Синдзо Абэ при сближении с Россией, по признаниям японских чиновников и экспертов³¹, является предотвращение чрезмерного сближения Москвы и Пекина, а именно расширения поставок техники из РФ в КНР и увеличения ее номенклатуры. Впрочем, в Токио и Вашингтоне осознают, что практических инструментов для влияния на ситуацию у Японии и США немного. Москва все более заинтересована в китайском оружейном рынке и продолжении ВТС с КНР в силу многих причин и рассматривает сотрудничество с Пекином как отвечающее своим национальным интересам. Задача свернуть российско-китайское ВТС является невыполнимой — США и Япония могут лишь пытаться корректировать курс РФ, побуждая Россию отказаться от расширения сотрудничества на другие чувствительные области вроде космических технологий или систем предупреждения о ракетном нападении. Однако, учитывая недавнее ужесточение антироссийских санкций американским конгрессом, возможности Вашингтона и Токио для игры на этом поле ограничены, а потому им остается лишь внимательно наблюдать за развитием ВТС Москвы и Пекина.

Примечания

- 1 郑明少将: 中国曾与苏-27K 舰载机擦肩而过 (Контр-адмирал Чжэн Мин: Китай в свое время «разминулся» с Су-27К) // <http://mil.news.sina.com.cn/2014-05-14/0822779169.html>
- 2 В Минобороны рассказали, какое вооружение Россия поставит в Китай. — РИА «Новости». — 21 февраля 2017 года // https://ria.ru/defense_safety/20170221/1488496507.html
- 3 Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о сокращении войск в районе границы // <http://docs.cntd.ru/document/901779315>
- 4 Эмбарго было введено сначала указом президента Джорджа Буша, а затем 16 февраля 1990 года кодифицировано конгрессом в виде закона 101–246. Текст закона доступен по ссылке: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg15.pdf>
- 5 EU Arms and Dual Use Exports Policy and EU Embargo on China. EU Council Secretariat Background Paper // https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/050228_China-initial.pdf
- 6 *Wacker G.* Should the EU Arms Embargo Against China Be Lifted? — SWP Comments. — April, 2004 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/SWPComment4_04_Wkrxx.pdf
- 7 *Brauner O., Bromley M., Duchatel M.* Western Arms Export to China. — SIPRI Policy Paper 43. January, 2015. — P. 9–13, 44–45 // <http://books.sipri.org/files/PP/SIPRI43.pdf>
- 8 О влиянии операции «Буря в пустыне» на эволюцию китайской военной мысли см.: *Cheng D.* Chinese Lessons from the Gulf Wars / *A. Scobell, D. Lai, R. Kamphausen (eds.)*. Chinese Lessons From Other People's Wars. — Strategic Studies Institute. — November, 2011 // <http://ssi.armywarcollege.edu/pdffiles/pub1090.pdf>
- 9 *Барабанов М., Кашин В., Макиенко К.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. — М., 2013. — С. 137.
- 10 Интервью гендиректора ФГУП «Рособоронэкспорт» Сергея Исайкина. — РИА «Новости». — 10 апреля 2009 года // http://www.vpk.name/news/27293_obem_vts_rossii_i_kitaya_zh_poslednie_vosem_let_sostavil_16_mlrd__rosoboroneksp.html
- 11 *Петракова И.* Приморские шпионы продали Су-27. — Газета.ру. — 17 февраля 2004 года // https://www.gazeta.ru/2004/12/17/oa_142993.shtml
- 12 В целом такой подход оправдал себя: многие из наиболее передовых образцов военной техники, поступающих сейчас в распоряжение российских вооруженных сил, являются в реальности экспортными разработками, как, например, зенитный ракетный комплекс «Панцирь-С1» и броневедомитель «Тигр», первоначально

- созданные на деньги и по заказу ОАЭ, или наиболее массовый современный российский истребитель Су-30СМ, созданный для нужд ВВС Индии.
- 13 *Mertha A.* The Politics of Piracy: Intellectual Property in Contemporary China. — Ithaca, 2005.
 - 14 Например: *Howard R.* People's Liberation Army: Short Arms ad Slow Legs. USAF Institute for National Security Studies. — Colorado, 1999. — P. 37.
 - 15 Шойгу: Россия и Китай договорились о поставках противокорабельных ракет. — Газета.ру. — 21 февраля 2017 года // <https://www.gazeta.ru/army/news/9713603.shtml>
 - 16 *Cordesman A. H., Colley S.* Chinese Strategy and Military Modernization in 2015: A Comparative Analysis. A Report of the CSIS Burke Chair in Strategy. Final Review Draft. Updated October 10, 2015. — CSIS, 2015 // https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/150901_Chinese_Mil_Bal.pdf
 - 17 *Габуев А., Грицкова А., Лантратов К.* Стратегическое притворство. — Коммерсантъ. — 23 мая 2008 года // <https://www.kommersant.ru/doc/895011>
 - 18 Более 20 % российского ОПК идет на экспорт, заявил Rogozin. — Новости ВПК. — 4 октября 2012 года // https://vpk.name/news/76393_bolee_20_produkcii_rossiiskogo_opk_idet_na_eksport_zayavil_rogozin.html
 - 19 *Азар И.* Наглет Восток: Россия увидела в Китае конкурента на рынке вооружений. — Газета.ру. — 8 июля 2010 года // https://www.gazeta.ru/politics/2010/07/08_a_3396043.shtml
 - 20 Глубинное интервью с топ-менеджером государственной корпорации «Ростехнологии», проведенное одним из авторов этой работы летом 2010 года в Москве.
 - 21 *Liming WS10A Taihang Engine* // <http://www.globalsecurity.org/military/world/china/ws10.htm>
 - 22 *Jie J.* AVIC report: China's Taihang engine widely deployed in military. — 07.06.2016 // <http://en.people.cn/n3/2016/0707/c90000-9082920.html>
 - 23 Военное и военно-техническое сотрудничество России и Китая. — РИА «Новости». — 20 мая 2014 года // <https://ria.ru/spravka/20140520/1008416110.html>
 - 24 Если мы работаем в интересах КНР, то работаем и в своих интересах. — Коммерсантъ. — 13 апреля 2015 года // <https://www.kommersant.ru/doc/2707945>
 - 25 Энергомост в Крым. Досье. — ТАСС // <http://tass.ru/info/2467522>
 - 26 Российский совет по международным делам. Российско-китайский диалог: модель 2017. Доклад № 33. — М.: НП РСМД, 2017 // <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf>
 - 27 Китай продолжает закупку военных авиадвигателей в России. — Ведомости. — 25 октября 2016 года.
 - 28 *Гасманова К.* Шойгу рассказал об объемах военного сотрудничества России и Китая. — Федеральное агентство новостей. — 23 октября 2016 года // <https://riafan.ru/577174-shoigu-rasskazal-ob-obemah-voennogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya>
 - 29 Россия закупит в Китае двигатели для пограничных кораблей. — Военный информатор. — 18 ноября 2015 года // <http://military-informant.com/navy/rossiya-zakupit-v-kitae-dvigateli-dlya-pogranichnyih-korabley.html>
 - 30 Китай предложил России электронику в обмен на ракетные двигатели. — Лента.ру — 19 апреля 2016 года // <https://lenta.ru/news/2016/04/19/china/>
 - 31 Серия глубинных интервью с высокопоставленными сотрудниками японского правительства и экспертами, проведенная в марте 2017 года.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ

**ВООРУЖЕННАЯ ДРУЖБА: КАК РОССИЯ
И КИТАЙ ТОРГУЮТ ОРУЖИЕМ**

Василий Кашин, Александр Габуев

Редактура и корректура *бюро ТХТ (www.txtburo.com)*

Дизайнер русскоязычной версии *Я. Красновский*

Компьютерная верстка *Ю. Мосягин*

Фото на обложку: *РИА Новости*. Автор фотографии: *Виталий Аньков*

Подписано в печать 15.11.2017

Формат 60x90 1/8. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Усл. печ. л. 4,5

Тираж 200 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16 стр. 1

Тел.: + 7 (495) 935-89-04

Факс: + 7 (495) 935-89-06

Email: info@carnegie.ru

www.carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru